

[Кроме всего прочего, в повседневных записях историков особенно интересны взаимоотношения Святого Предка и канцлера Мин. Согласно неполным подсчётам, лишь в «Хрониках династии Шэн» («Шэнь ши») упоминаний о том, как император и канцлер смотрели друг на друга и смеялись, не меньше сорока! А эпизодов, где император брал канцлера за руку, — как минимум двадцать!

Что до совместной работы над реформами: когда внедрялись новые законы, Святой Предок засиживался за докладами до глубокой ночи, а канцлер Мин после службы отправлялся прямо в императорский кабинет — лично растирал чернила и сидел рядом, пока тот работал.

В первые месяцы открытия морских путей канцлер Мин две недели подряд ночевал в Министерстве финансов, а Святой Предок ежедневно посылал ему тёплый ужин, а если находил свободную минуту — сам заходил проведать.

Однажды, когда канцлер писал доклад, будучи больным, его иероглифы вышли кривыми — и Святой Предок ответил ему красной пометкой, нарочно написанной так же косо. Это ли не особая форма нежности?

Святой Предок также любил тайные инспекции в народе. И первым делом всегда направлялся в дом Минов — забирал канцлера и вместе они бродили по городам и весям, изучая настроения простых людей.

И наконец — почему их дружба стала образцом для всех последующих поколений правителей и министров? Конечно, во многом благодаря грандиозным заслугам канцлера Мин в проведении реформ. Но ещё — потому что скорбь Святого Предка была слишком очевидна. Говорят: если император по-настоящему любит кого-то, он не станет скрывать своих чувств.

После смерти канцлера Мин Святой Предок часто просыпался ночью, вскрикивая его имя, и больше не мог уснуть. Он регулярно навещал дом Минов, чтобы увидеть вещи покойного и вновь пережить воспоминания.

Каждый год в день поминовения он лично отправлялся к гробнице. Несколько раз на него даже покушались — но сколько бы ни убеждали его приближённые, он ни разу не отказался от этой традиции. Однажды стрела пролетела в сантиметре от его виска — он лишь рассмеялся:

— Если бы он сам пришёл ко мне, я бы избавился от этих ежегодных странствий.

Именно в этот день настроение Святого Предка было хуже всего. Все чиновники знали: лучше не попадаться ему на глаза. Даже самые смелые цензоры в такие дни старались держаться подальше. Однажды министр обороны всё же осмелился доложить о крупной победе на границе. Император улыбнулся, похвалил — а затем вышел и сжёг донесение у могилы.

Именно поэтому в последующие века каждый, кто чувствовал себя недооценённым, вспоминал эту пару — и слагал стихи о них. Так история императора и канцлера навеки вошла в поэзию Поднебесной.

Если заглянуть в летописи второй половины жизни Святого Предка, создаётся впечатление, будто он — герой романа, потерявший свою «белую луну» и навсегда заперший своё сердце. Он правил безграничной империей, но жил в бездонном одиночестве.

Историки часто называют его жестоким и бесчувственным. Но стоит присмотреться внимательнее — и становится ясно: вся его нежность упокоилась вместе с тем человеком в снежную ночь девятого года Тяньци.

Оставшиеся десятилетия он шёл вперёд, опираясь на гром и молнии, воплощая в жизнь те законы, что они создали вместе. Железной рукой он защищал тот процветающий век, который они заложили вдвоём. Это была обязанность правителя. Это была их общая мечта. Это были годы, которые канцлер Мин так и не успел прожить.]

— Ты...

— Ты...

Они одновременно заговорили, глядя друг на друга.

В этот миг резкий порыв ветра ударил в окно — «бах!» — и голос небесного экрана мгновенно стих, оставив лишь тихое потрескивание углей в печи тёплого павильона.

Ли Чжао смотрел на искорки в глазах Мин Чжэня и чувствовал, как лицо его горит, а в груди всё переворачивается.

Тот человек, о котором говорил экран — страстный, одержимый, даже... даже готовый выдать себя замуж за умершего — разве это он?

Он не мог представить, что рядом с ним исчезнет этот человек. Те поступки в будущем... он смутно чувствовал: да, он бы так и сделал. Но выйти замуж?! Это уже перебор.

Почему? Зачем ему это делать? Внутри звучал пронзительный вопрос, и чем глубже он думал, тем сильнее колотилось сердце, а мысли путались, как рис в кипящем котле.

Они молча смотрели друг на друга — и в чистых зрачках каждого отражался растерянный образ другого.

— А Чжао, что хотел сказать? — наконец нарушил тишину Мин Чжэнь, не выдержав напряжения.

Его тёплая рука по-прежнему сжимала ладонь Ли Чжао, а дыхание, едва касаясь кожи, вызывало незнакомую дрожь.

Это ощущение было слишком странным. Ли Чжао машинально попытался вырваться.

— Не надо... так странно, — пробормотал он, опустив глаза, даже не заметив, как в голосе прозвучала робость.

— Не отпущу. Больше никогда не отпущу, — ответил Мин Чжэнь твёрдо, с решимостью человека, перешедшего реку и сжёгшего за собой мосты.

— Что? — Ли Чжао почти не расслышал — слова прозвучали слишком тихо.

Мин Чжэнь не стал повторять. Вместо этого он пристально посмотрел в глаза Ли Чжао, будто пытаясь пронзить все маски и сомнения.

— А Чжао, зачем ты, приняв титул принцессы, вышла замуж за умершего меня?

Этот вопрос, словно игла, пронзил последнюю защиту Ли Чжао. Он почувствовал раздражение — ведь ответить было невозможно.

Неужели сказать: «Ты ведь так и не женился... Мне было жаль, что ты останешься один»? Самому себе он не верил в эту чушь. Кто вообще из-за жалости выходит замуж за лучшего друга?

Он молчал, но сердце билось всё быстрее, будто пыталось вырваться из груди. Предчувствие, как весенний побег, прорвалось сквозь почву, которую он так долго упорно игнорировал.

Раньше он никогда не думал об этом. Для него Мин Чжэнь всегда был самым близким другом, товарищем, братом по духу — человеком, которому можно доверить жизнь. Как можно жениться на брате? Как можно сделать его... возлюбленным? Неужели он... гей?!

Мысли понеслись вскачь, не подчиняясь воле. Вдруг вспомнился тот юноша из увеселительного заведения... Нет, всё равно мерзко. Но если это Мин Чжэнь... если именно он... А как там выглядела та самая «картина предостережения от огня»?

— А Чжао, — голос Мин Чжэня вернул его из хаоса, — я не хотел сейчас спрашивать. Я всё время колебался: а вдруг ты не таков? Вдруг это лишь моё самообманчивое заблуждение? Вдруг всё, что говорит небесный экран, — вымысел? Я не мог легко втягивать тебя в этот водоворот... Что, если однажды ты пожалеешь?

Он замолчал, затем осторожно коснулся ладонью щеки Ли Чжао — пальцы едва заметно дрожали.

— Но я всё же не святой. Услышав эти слова, узнав о таких возможностях... я больше не могу

делать вид, что мне всё равно. Мой А Чжао уже сделал для меня столько, прошёл так далеко навстречу... Я не хочу и не стану оставлять в этой жизни ни одного сожаления.

Его взгляд горел, как самый яркий огонёк в метель:

— А Чжао, я люблю тебя. Не как друга. Не как брата. Просто потому что ты — ты. Только ты. А ты? Сможешь ли... принять такого меня?

Это действительно был вопрос.

«Смогу ли я?» — подумал Ли Чжао. «Как это проверить?»

Его взгляд невольно скользнул по лицу Мин Чжэня и остановился на слегка пересохших губах. В голове мелькнула дерзкая, почти безумная идея.

— Э-э... У меня есть предложение, — прочистил он горло, избегая прямого взгляда. — Обещай, что, что бы ни случилось, ты меня не побьёшь.

— Что? — Мин Чжэнь опешил. Он представлял множество возможных реакций: молчание, бегство, даже — в самых смелых мечтах — согласие. Но такого начала не ожидал.

— Давай сначала договоримся! — Ли Чжао, видя, что тот не отказывается, торопливо продолжил.

У Мин Чжэня возникло дурное предчувствие, но, глядя на эту смесь вины и напускной решимости, он не удержался от улыбки:

— Хорошо, А Чжао. Обещаю.

— Дай мне тебя поцеловать.

Слова вырвались — и Ли Чжао тут же увидел, как зрачки Мин Чжэня сузились.

Ему стало неловко, и он быстро добавил:

— Я сам не знаю, получится ли у меня принять это. Позволь попробовать. Если получится — я обещаю взять ответственность. Если нет — считай, что тебя облизала собака. Мы останемся лучшими друзьями, и ты не имеешь права на меня злиться.

Он понимал, что идея шокирующая, и не знал, согласится ли Мин Чжэнь. Но раз он даже себя в ходе уговора оскорбил — значит, искренность на высоте. По его мнению, это был идеальный

компромисс.

Мин Чжэнь молчал. Он знал, что А Чжао временами непредсказуем, но не ожидал, что в такой момент, когда он только что открыл душу, тот найдёт способ одновременно растрогать и вывести из себя.

— Ну как? — Ли Чжао, чья рука всё ещё была в его ладони, не мог вырваться, поэтому ткнул носком сапога в подол одежды Мин Чжэня, оставив на чистой ткани маленькое пятнышко. — Скажи хоть что-нибудь, не молчи!

Мин Чжэнь посмотрел на этот детский жест — и не удержался от тихого смешка. Этот человек даже винит его за молчание! Где такое видано?

— Ладно, — произнёс он хриловато, с нотками снисходительной нежности. — А Чжао хочет, как?

— Сначала отпусти меня, — обрадовался Ли Чжао.

— А так нельзя? — Мин Чжэнь не разжал пальцы, наоборот, чуть сильнее сжал.

— Боюсь, ты потом убежишь, и мне будет некому требовать ответа, — пошутил он, но всё же медленно разжал руку.

Ли Чжао почувствовал смущение, уши заалели, но всё равно важно заявил:

— Не волнуйся, я не стану злоупотреблять. Просто поцелую — и всё. Никаких лишних действий. И обещаю: не сбегу, что бы ни вышло.

Освободившись, он глубоко вдохнул, будто собирался совершить великий ритуал, и торжественно встал перед Мин Чжэнем.

Он смотрел на это изящное лицо, поднятое к нему, медленно наклонился... Но когда их глаза встретились, когда дыхание стало общим, он вдруг замер. В обычно спокойных глазах А Чжао теперь бурлила такая откровенная, почти пугающая нежность, что сердце его заколотилось.

— Ты... закрой глаза, — прошептал он, чувствуя, как лицо пылает. — Так неловко... когда ты смотришь.

Из горла Мин Чжэня вырвался тихий смешок, его дыхание коснулось покрасневшей щеки:

— Целуешь — а смотреть не даёшь? А Чжао, ты какой-то деспотичный.

— Это совсем не то же самое! — возмутился Ли Чжао, машинально сжимая рукав его одежды.
— У тебя первый раз, у меня тоже... Дай хоть привыкнуть!

Едва он договорил, как почувствовал тёплую ладонь на затылке. Пальцы Мин Чжэня мягко, но уверенно вплелись в его волосы, не давая отступить.

— Хорошо, всё по-твоему, — прошептал тот с усмешкой. — Кто же спорит с нашим А Чжао в его первый раз?

— Хм, — подумал Ли Чжао с досадой, — будто у тебя самого не первый!

Свечи в фонарях мерцали, отбрасывая на ширму тени, сливающиеся в одно целое.

Когда Ли Чжао наконец преодолел страх и приблизился, он услышал лёгкий вздох, растворившийся в их общем дыхании. И никто уже не мог сказать — чьё сердце первым нарушило ритм.

<http://bllate.org/book/17167/1607625>